

ZINEVICH OI'ga Vladimirovna, *Dr.Sci.(Philos.), Associate Professor; Head of the Chair of International Relations and Regional Studies, Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University (20 Karl Marx Ave, Novosibirsk, Russia, 630073; zinevich@fgo.nstu.ru)*

DEGTYAREVA Valeriya Viktorovna, *Cand.Sci.(Philos.), Associate Professor of the Chair of Sociology, Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University (20 Karl Marx Ave, Novosibirsk, Russia, 630073; div8@mail.ru)*

DEGTYAREVA Tat'yana Nikolaevna, *Senior Lecturer of the Chair of Sociology, Faculty of Humanities, Novosibirsk State Technical University (20 Karl Marx Ave, Novosibirsk, Russia, 630073; din@fgo.nstu.ru)*

INCLUSIVE EDUCATION IN THE RUSSIAN HIGHER SCHOOL: MODERN CHALLENGES

Abstract. *The article addresses the problems stemming from introducing inclusive education in higher education institutions. The authors show that readiness to introduce and implement inclusive education programs seems to be problematic due to the educational reform. In accordance with the Federal Law «About education in the Russian Federation», higher school has to function not only as an educational, but also as a social and rehabilitation institute. This means that there is a need for special educational, rehabilitation, and legal services, which must guarantee, that disability cannot be the reason for possible restrictions. Therefore, achievement of the third (social) mission of higher education institutions is a complicated task. Moreover, the authors consider the problem of equality of resources and equality of opportunities as one of the key problems associated with developing inclusive education programs in higher school. Nevertheless, the inclusive education in higher education institutions is possible while considering it as an adaptive-adapting system, aimed at the professional identity based on the idea of equal opportunities of the personality in the course of professional fulfillment.*

Keywords: *higher education, inclusive education, people with disabilities*

ГОЛОВКО Никита Владимирович — *д.филос.н., профессор кафедры гносеологии и истории философии философского факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета; ведущий научный сотрудник сектора философии науки Института философии и права СО РАН (630090, Россия, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2; golovko@philosophy.nsc.ru)*

РУЗАНКИНА Елизавета Александровна — *к.филос.н., доцент кафедры международных отношений и регионоведения факультета гуманитарного образования Новосибирского государственного технического университета (630073, Россия, г. Новосибирск, пр-кт К. Маркса, 20; ruzankina@corp.nstu.ru)*

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: АКАДЕМИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ И МНОГОПОЛЬЗОВАТЕЛЬСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Аннотация. *Целью статьи является поиск подходящей перспективы для теоретического анализа предпринимательского университета. На наш взгляд, подобную перспективу составляют концепция академического капитализма и концепция многопользовательского управления. Первая раскрывает современное понимание того, как университет, отвечая на вызовы и необходимость по-новому реализовывать третью миссию, перенимает корпоративный «код управления», вторая анализирует внеинституциональные изменения, в которых функционирует университет.*

Ключевые слова: *третья миссия университета, предпринимательский университет, академический капитализм, многопользовательское управление*

Интерес к концепции предпринимательского университета (Б. Кларк и др.) в первую очередь продиктован желанием выявить качественные харак-

теристики эволюции и направления развития современного университета в свете изучения процессов взаимодействия нескольких социальных агентов: а) органов государственной власти, б) руководства региональных институтов высшего образования и в) сообщества самих преподавателей и сотрудников вузов. Для этого необходимо лучше понять внутренние механизмы и скрытые проблемы функционирования университета, отвечающие действию ряда факторов (политических, институциональных, социальных и др.), за которыми скрываются соответствующие стейкхолдеры [Головко, Дегтярева, Мадюкова 2014; Головко, Рузанкина 2013]. Очевидно, что одним из хороших индикаторов работы отмеченных факторов будет то, как университет реализует свою третью миссию, т.е. как он обращается вовне, реагируя на запросы общества. И поскольку мы рассматриваем именно предпринимательский университет, то наибольший интерес в данном случае будет представлять, например, то, какие именно формы организации инновационной деятельности реализует данный университет, и почему. Наша исходная гипотеза заключается в том, что проблема реконструкции теоретического содержания факторов, описывающих развитие предпринимательского университета (политических, институциональных, социальных и др.), кроме обращения к поиску возможных эмпирических характеристик успешности, которые можно обнаружить в сравнительном социологическом исследовании и тем самым проверить предложенные гипотезы о том, как работают факторы [Головко 2014], также затрагивает проблему динамики взаимодействия отмеченных факторов, т.е. требует ответа на вопрос: каким образом антагонистический характер факторов оказывает влияние на выбор и развитие форм организации инновационной деятельности, которые выбирает данный университет (технопарк, инновационный центр, двойная лаборатория и т.д.).

Одним из наиболее важных моментов описания взаимодействия отмеченных факторов является поиск подходящей теоретической перспективы, в которой и динамика развития университета, и предполагаемые формы инновационной деятельности описываются на едином основании. На наш взгляд, подобную перспективу составляют концепция академического капитализма (Ш. Слотер, Г. Родес и др.) и концепция многопользовательского управления, которую в данном случае удобно интерпретировать в свете концепции новой политической социологии науки (С. Фрикель, К. Мур и др.). Первая концепция раскрывает современное понимание того, как университет, отвечая на вызовы и необходимость по-новому реализовывать третью миссию, перенимает корпоративный код управления, вторая — анализирует внеинституциональные измерения, в которых функционирует университет [Головко 2012; Головко 2013а; Головко 2013б]. Ниже мы отдельно остановимся на основных чертах концепций академического капитализма и многопользовательского управления, чтобы ответить на вопрос: как динамика факторов, описывающих развитие предпринимательского университета, влияет на выбор конкретных форм организации инновационной деятельности, которые потенциально следуют за заданным формальным распределением основных стейкхолдеров, и взаимосвязей между ними.

Академический капитализм. Как отмечают ряд исследователей, первый серьезный шаг к тому, чтобы по-новому представить третью миссию университета и позволить «на его территории» развиваться различным формам инновационной деятельности, был сделан в связи с изменениями в законодательстве в сфере интеллектуальной собственности [Matkin 1990; Berman 2008]. Примечательно, что этот шаг был спланирован и реализован «сверху», т.е. был продиктован именно необходимостью поиска новых подходов и форм трансфера знаний (технологий, интеллектуальной собственности и т.д.) для усиле-

ния конкурентоспособности государства (в т.ч. на международной арене). В результате этих трансформаций (в первую очередь в государственной политике регулирования в области науки и технологий) существенно изменились отношения между университетом (который в западной традиции играет роль основного производителя научного знания) и реальным сектором экономики. Только после этого университеты, отвечая желанию государства сохранить конкурентоспособную экономику, поняли необходимость выступить центрами трансфера знаний, технологий и инноваций. В определенном смысле этот шаг (осознание необходимости участия в инновационной деятельности) также изменил и всю идеологию, или видение университета, т.е. традиционное представление о соотношении «входов» и «выходов» деятельности университета, содержании университетской программы, основаниях выделения самостоятельных факультетов и т.д. Более того, ориентация на инновации привела к формированию особой коммерческой культуры внутри университета, которая в контексте третьей миссии в определенном смысле отвечает идее либерализации торговли. При этом ее основания не только и не столько продиктованы неолиберальными, рациональными в смысле Ю. Хабермаса соображениями, а имеют своей целью преодоление насущных проблем, которые стоят перед университетом (сокращение расходов, зарабатывание денег и т.д.). Новые условия в идеале принесли с собой сокращение государственного регулирования, в т.ч. финансирования, усиление давления со стороны внешних партнеров (например, бизнес-организаций, фондов, региональных властей и т.д.) и вместе с тем – небывалые возможности получения выгоды от трансфера технологий. В этой ситуации от руководства университета потребовалось проявить инициативу и, в частности, перенести из экономики на площадку трансфера опыт практики управления. Наступило время «академического капитализма» [Rhoades, Slaughter 2004]. Стоит отметить, что приводимые здесь изменения политических (связанных с государственной политикой) факторов развития предпринимательского университета оказали также существенное влияние и на изменения в институциональной и внутрисоциальной сферах.

Один из основных элементов академического капитализма – демонстрация показателей, позволяющих оценить качество предоставляемых услуг. Возникли понятие и целая культура академического аудита, включающая обязательный подсчет рейтинга университета (достижения, международное сотрудничество, объемы финансирования из внешних источников и т.д.) и учет метрических показателей преподавателей и студентов (число статей в рецензируемых журналах, участие в международных конференциях, трудоустройство выпускников и т.д.). В этом смысле преподаватели, например, перестали отличаться от офисных сотрудников – эффективность их деятельности легко подсчитывается; студенты (особенно бакалавры) превратились в «покупателей», по отношению к которым действуют стандартные экономические условия удовлетворения запросов (включая рекламу, расширение рынка услуг, ориентацию на массового потребителя, создание позитивного имиджа и т.д.); а качество руководства университета стало определяться уровнем владения навыками менеджмента кадров, ресурсов и т.д. и способностью перенести на почву университета адекватную культуру управления. Университет перенял корпоративный код управления [Kleinman 2010]. Гранты и конкурсные программы распределения финансирования, технопарки и развитая инфраструктура поддержки стартап-проектов – все это примеры предпринимательских инициатив, которые отражают новую социально-экономическую ситуацию. Предпринимательская инициатива, а вместе с ней и новая система получения и распределения благ (которые подталкивают университет к тому, чтобы вступать в новые формы

отношений и развивать партнерство с бизнес-структурами) привели к реальной диверсификации стратегий университета по своей реализации на рынке инноваций и новым вариантам получения отдачи от инновационной деятельности. Как следствие, обострилось противоречие между интерпретацией университета как автономной независимой структуры, выполняющей известную общественную функцию по развитию и получению нового знания, и новым видением университета, акцентированным на взаимодействии с бизнесом и на инновациях.

Изменилась и структура университета — она стала более динамичной. Если раньше самоуправление делегировалось факультетам, каждый из которых отражал суть той или иной самостоятельной дисциплины или независимой области исследований, то теперь, например, необходимость проведения междисциплинарных исследований, как и подготовки специалистов в этой области, требует создания краткосрочных исследовательских или преподавательских коллективов и соответствующих временных структур, каждая из которых будет вовлечена в более широкий дискурс, чем традиционный факультет [Зиневич, Рузанкина 2014]. Чтобы удержаться на плаву, подобной структуре требуется намного больше усилий, в частности, необходимо значительно повысить уровень предпринимательской инициативы, умения следить за рынком, оценивать ситуацию и правильно вести переговоры. Существенным элементом нового видения университета становится работа на публику и с публикой, которая в принятой индустриальной модели университета отражает предпринимательский дух, с одной стороны, отвечая задаче удовлетворения университетом запросов общества, а с другой — указывая на трудности при поддержании на должном уровне различных междисциплинарных лабораторий и сложность нового типа управления университетом в целом. Закономерным следствием происшедших изменений становится то, что этот самый предпринимательский дух вместе с идеей трансфера технологий открывает для общества новые возможности по включению в процесс управления университетом. В частности, становится возможным оказывать влияние на финансирование и престиж отдельных направлений подготовки, не говоря уже о поддержке трансфера технологий именно в определенной области, например в области защиты окружающей среды, экологии, проблем здоровья и т.д. Это обстоятельство породило настоящую волну общественного интереса к проблемам высшего образования, а также создало новую возможность для заключения социального контракта между университетом и обществом (включая представление о том, что университет может являться объектом общественного управления, например в рамках модели гражданского общества, точно так же, как бизнес или государство). В идеальной ситуации влияние общества и гражданских инициатив должно существенно ограничивать академический капитализм (переход к которому, по сути, неизбежен), поскольку понимание университета как объекта общественного управления расширяет проблемное поле и процессы, связывающие университет, бизнес и общество, например, акцентируя внимание на вопросах гражданской ответственности науки и бизнеса или привлекая элементы гражданского общества для управления этими процессами.

С точки зрения анализа взаимодействия политических, институциональных и внутрисоциальных факторов развития предпринимательского университета и их влияния на формы инновационной деятельности, которые принимает предпринимательский университет, реализуя свою третью миссию — академический капитализм, — это «необходимое зло», которое принесет с собой угрозу университетской автономии, ограничение академической свободы и академический аудит, но в то же время обеспечит мобилизационную эффективность распреде-

ления ресурсов, в т.ч. на инновационную деятельность, с точки зрения решения проблемы капитализации знаний [Головко, Дегтярева, Мадюкова 2014; Головко 2014; Зиневич, Балмасова 2015]. Ниже мы остановимся на основном, на наш взгляд, моменте, раскрывающем суть приведенного понимания третьей миссии, — новых формах регулирования деятельности университета, опирающихся не столько на государственные механизмы, сколько на механизмы, продиктованные взаимодействием заинтересованных негосударственных агентов (стейкхолдеров).

Многопользовательское управление и «невная наука». Согласимся с тем, что в условиях гражданского общества функция регулирования и управления развитием университета может переходить от государства к обществу. И в этом смысле общественные интересы (равно как и привлекаемые общественные движения, механизмы, нацеленные на лоббирование интересов, и т.д.) могут противоречить государственным. Несмотря на то что в данном случае правительство и другие государственные структуры будут являться основными объектами, на которые нацелено влияние общественного мнения, оно (общество) также будет стремиться повлиять и на «практический» уровень, обращаясь к регулированию не только законодательства, но и реальной практики управления университетом и его функционирования на локальном уровне. В данном случае имеет смысл говорить о возникновении альтернативных стратегий диверсификации отношений региональной системы высшего образования и экономики на местах [Hess 2007]. Подобные стратегии, в частности, могут быть направлены на изменение стандартов высшего образования, изменение принципов составления учебных планов, развитие соответствующих форм инновационной деятельности и т.д. с учетом интересов стейкхолдеров. Как отмечает Д. Хесс, альтернативные стратегии приводят к тому, что негосударственные агенты могут брать на себя роль подвижников инновационной деятельности университета в тех направлениях, которые, по их мнению, улучшают жизнь общества. В качестве теоретического средства, для того чтобы описать это слабо формализуемое поле отношений между университетом и стейкхолдерами, можно привести в пример концепцию «невной науки» (*undone science*) [Frickel et al. 2010]. По определению Д. Хесса, невная наука — это наука или направление исследований, которые, по мнению ряда общественных организаций, имеют большой потенциал с точки зрения перспектив влияния на общество, но незаслуженно и в силу различных обстоятельств выпадают из поля основного тренда научных исследований в этой области. Необходимость и актуализация этих исследований продиктована именно социальным заказом [Рузанкина 2013]. В данном случае общественное мнение может, объединившись с учеными на базе университета, реализовать пример так называемой скрытой мобилизации, направленной на то, чтобы расширить границы инноваций, связать вместе профессионалов из различных областей для того, чтобы реализовать свои цели и увеличить капитализацию знаний за счет развития новых форм трансфера технологий.

На наш взгляд, описанную ситуацию реализации третьей миссии университета можно зафиксировать в рамках концепции, которая представляет общественное мнение и мнение заинтересованных негосударственных агентов как новую форму управления университетом. Под новой формой понимается переход в области регулирования развития университета от государственной модели к более широкой, включающей представление об особой роли и воздействии на процесс принятия решения различных стейкхолдеров. Очевидно, данную модель «многопользовательского управления» (*stakeholder governance*) можно охарактеризовать по-разному. С одной стороны, она предполагает участие и определяю-

щую роль общественности, интересы которой не всегда совпадают с интересами как государства, так и самого университета. С другой — в ситуации, когда государственные механизмы регулирования ослаблены (или соответствующим образом изменены), она может оказаться единственным инструментом реализации именно общественных интересов. Наконец, даже если нам удастся договориться о правилах переговоров, агенты, за которыми стоят большие средства, очевидно, будут иметь большие возможности воздействовать на принимаемое решение, и это может превратить процесс реализации общественных интересов в противостояние различных общественных групп. Эффективность «многопользовательской» модели управления будет существенным образом зависеть от того, кто контролирует процесс отбора заинтересованных агентов, кто обладает властью по разрешению конфликтов и кто будет отвечать за то, как результаты общей дискуссии отразятся на конкретных шагах (например, выбор тех или иных форм инновационной деятельности), которые предпримет университет. На определенном этапе мы можем обнаружить, что участники «многопользовательской» модели (в т.ч. сам университет) не обладают достаточным набором инструментов для того, чтобы разрешить противоречия демократическим путем, и тогда результаты их деятельности, в общем, не будут отвечать их представлениям о реализации и защите именно своих интересов.

Посмотрим на проблему принятия университетом той или иной формы инновационной деятельности с точки зрения теории управления [Matkin 1990; Rhoades, Slaughter 2004; Hess 2007]. Очевидно, определяющей для любой формы управления является способность достигать целей и желаемых результатов. Легитимность и эффективность — это то, что в данной ситуации наилучшим образом характеризует систему управления. В общем случае легитимность — это допущение, что определенное действие соответствует некоторой социально сконструированной системе норм, ценностей и т.д. Если мы говорим о различных заинтересованных агентах, то легитимность управления будет существенным образом зависеть от степени принятия данного действия различными агентами и внешней аудиторией. Включенность, представительский характер, прозрачность системы управления станут одними из основных элементов, на которых будут строиться доверие и легитимность. Легитимность будет зависеть от возможности вовлекать участников процесса принятия решения в продуктивный диалог, в котором каждый из них будет ощущать свою важность и значимость. Основная проблема состоит в том, что с точки зрения эффективности не все заинтересованные агенты одинаково важны для принятия решений. Поэтому необходимо заранее определить соответствие агентов, принимающих участие в инициативе, ее целям, поскольку природа поставленного вопроса, по идее, может помочь определиться с необходимой институциональной структурой и подходящим сочетанием агентов. Более того, возможно, на разных стадиях процесса выработки коллективного решения потребуется по-новому перераспределить роли и оценить «соответствие». Модель негосударственной формы управления предполагает, что заранее имеются критерии того, как будет проходить процесс принятия решения; критерии оценки реального участия и потенциальной силы воздействия на принимаемое решение; критерии того, как достигаются соглашения по поводу «правил игры» и их изменения или сохранения; и (что очень важно, учитывая неоднородность агентов) критерии поддержки и учета мнения тех из них, кто по определению будет находиться в меньшинстве и чьи интересы будут ущемлены в большей степени. Диалог, каким бы честным и открытым он ни был, всегда, даже если приводит к взаимному согласию, предполагает плюсы и минусы принятого решения для каждой из участвующих сторон. В идеале открытость между партнерами, уважение к оценке ситуации, предлагаемой оппонентом, и основаниям, при-

ведшим его к такой точке зрения, способность и желание включиться в диалог, следуя согласованному распределению ролей, — все это важные элементы того типа социального взаимодействия, без которого невозможна эффективность различных негосударственных форм управления.

Вернемся к предпринимательскому университету, проблеме третьей миссии и влиянию различных стейкхолдеров на реализацию университетом тех или иных форм инновационной деятельности. В рамках концепции академического капитализма инновационная деятельность является одним из основных показателей успешности вуза (например, с точки зрения решения проблемы капитализации получаемого знания как одного из вариантов реализации университетами третьей миссии). Здесь ее основной формой скорее всего будет «двойная лаборатория» (одна из наиболее оптимальных форм инновационной деятельности с точки зрения схемы «затраты — результаты»; при прочих равных она не требует долгосрочных вложений и т.д.). В рамках концепции «многопользовательского» управления продуктивность инновационной деятельности напрямую зависит от качества созданных условий, поэтому в этом случае можно ожидать, что основные формы сместятся в сторону институционализированных технопарков и бизнес-инкубаторов. И в любом случае развитие инновационной деятельности университета скорее будет являться следствием продуманной государственной политики в сфере высшего образования, чем желанием самого университета ответственно выполнять третью миссию в связке с бизнесом.

Последний вывод не является тривиальным. Если речь идет о российских вузах, то показательным может быть пример Новосибирского государственного университета, реализующего такую форму, как «двойная лаборатория». Даже для вуза — участника Программы 5–100, окруженного академическими институтами, многие из которых имеют соответствующую экспериментальную базу, которая, по замыслу, может быть использована для начального этапа трансфера технологий, реализация инновационной деятельности наталкивается на административные барьеры (начиная с того, что университет и институты принадлежат к разным ведомствам и т.д.). Другой пример — Национальный университет Сингапура. Сингапур обладает одной из наиболее динамично развивающихся экономик в мире. Национальный университет Сингапура, который за 30 лет существования уверенно поднялся в первую двадцатку мировых рейтингов, не имеет ни одного технопарка или совместной лаборатории, направленной на обеспечение трансфера технологий. Причина проста. Не многие университеты в мире реально получают деньги от инновационной деятельности, поэтому правительство (которое обеспечивает около 90% финансирования университета) официально запретило технопарки, рассчитывая, что его функции возьмет на себя экономика страны. И конечно, показателен пример ведущих американских университетов (например, *MIT*), которые, как многим кажется, фактически выполняют государственный заказ на инновации. Однако и здесь можно выделить отдельные направления, которые успешны только потому, что на них обращает внимание государство (возобновляемые источники энергии и т.д.). Во всех приведенных случаях концепции академического капитализма и «многопользовательского» управления помогают лучше понять внутреннюю динамику отношений стейкхолдеров, но не могут брать на себя роль определения государственной политики. Сама государственная политика, конечно, имеет большое значение, но раскрытие непрямого контекста отношений между университетом и государством, объяснение того, почему именно такие формы организации инновационной деятельности реализует данный университет, очевидно, требуют анализа того, насколько сам университет отвечает корпора-

тивному коду управления и насколько успешно он взаимодействует со стейкхолдерами.

Статья выполнена при финансовой поддержке Программы грантов Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых, проект МД-475.2014.6 «Исследовательские университеты в регионах: институциональные, политические и внутрисоциальные факторы развития (на примере федеральных и национальных исследовательских университетов Восточной и Западной Сибири)».

Список литературы

Головко Н.В. 2012. Неолиберальная концепция науки и экономика знаний. — *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер. Философия. Т. 10. Вып. 4. С. 57-63.

Головко Н.В. 2013а. Неолиберальная концепция науки и сциентизм. — *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер. Философия. Т. 11. Вып. 1. С. 26-33.

Головко Н.В. 2013б. Неолиберальная концепция науки и эпистемическая модернизация. — *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер. Философия. Т. 11. Вып. 2. С. 24-29.

Головко Н.В., Рузанкина Е.А. 2013. Особенности трансформации высшего образования в свете концепции науки второго рода. — *Философия образования*. № 3(48). С. 53-59.

Головко Н.В. 2014. Предпринимательский университет и функционализм А. Стинчкомба. — *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер. Философия. Т. 12. Вып. 3. С. 53-61.

Головко Н.В., Дегтярева В.В., Мадюкова С.А. 2014. Предпринимательский университет и теория тройной спирали. — *Высшее образование в России*. № 8-9. С. 45-53.

Зиневич О.В., Рузанкина Е.А. 2014. Университет как научный и социальный институт в современном российском обществе. — *Высшее образование в России*. № 7. С. 37-43.

Зиневич О.В., Балмасова Т.А. 2015. «Третья миссия» и социальная вовлеченность университетов. — *Власть*. № 6. С. 67-72.

Рузанкина Е.А. 2013. Наука второго рода: новые формы производства знаний и трансфера технологий. — *Вестник Новосибирского государственного университета*. Сер. Философия. Т. 11. Вып. 2. С. 49-53.

Berman E. 2008. The Politics of Patent Law and Its Material Effects. — *Living in a Material World: Economic Sociology Meets Science and Technology Studies* (ed. by T. Pinch, R. Swedberg). Cambridge, MA: MIT Press. P. 191-213.

Frickel S., Gibbon S., Hess D., Howard J., Kempner J., Ottinger G. 2010. Undone Science: Charting Social Movement and Civil Society Challenges to Research Agenda Settings. — *Science, Technology, and Human Values*. Vol. 35(4). P. 444-473.

Hess D. 2007. *Alternative Pathways in Science and Industry*. Cambridge, MA: MIT Press. 344 p.

Kleinman D. 2010. The Commercialization of Academic Culture and the Future of the University. — *The Commodification of Academic Research: Science and the Modern University* (ed. by H. Radder). Pittsburgh, PA: University of Pittsburgh Press. P. 24-43.

Matkin G. 1990. *Technology Transfer and the University*. N.Y.: Macmillan. 328 p.

Rhoades G., Slaughter S. 2004. *Academic Capitalism and the New Economy: Markets, State, and Higher Education*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. 384 p.